

Большей частью развернутые поэтические тексты актуализируют еще одну устойчивую коннотацию лысого человека: его любвеобильность, сладострастие "А чаго ты, лысы, без валос астауся? // А таго што рана з дзеўкам спазнаўся"; "А чага ты, лысы, ды стаў безвалосы? // Патаму што рана ходзіў босы". Из фразеологизмов примечательны следующие: *потерял волосы на чужих подушках*, укр. фразема *побігала з Лиськом*, что стоит в одном синонимическом ряду с у *горох ускакнула; пропав мой віночок*, символика "греха" в которых очевидна. Предельно откровенно соотношение лысого с фаллосом см. в кашубской так называемой "стыдной" двусмысленной загадке: "-Zan dobn, pani z długami włosami. //-Zakuja panu, mas hisego mnazi nogami. // -A mozna bi vpuscic hisego do kosmatego? //-Ne mozna, bom dała wigolic, // ale mozna vpuscic hisego do gofego".

Сегодня широко известна следующая сентенция, объединяющая "умственные и сексуальные" потенции мужчины: "Если лысина спереди – умный, если сзади – много гуляет, если вся голова лысая – гуляет с умом". Обращение к ритуально-мифологическому и языковому контексту снимает кажущееся остроумие и подтверждает соотношение *верха* и *низа*, *головы* и *testicula*, о чем свидетельствуют такие инверсии, как рождение из головы (даже богиня мудрости Афина вышла из головы Зевса) и, с другой стороны, *testicula* как носитель мудрости, ср. Рус. *муде*, стслав. м д < и-е. **men-dh-*, **mon-dh-* 'об особом роде духовного, умственного напряжения, возбуждения' (3). К примеру, у бурят почиталось небо, наделенное мудростью и способностью творить, рождать, в образе Эсэгэ Малана, т.е. мудрого (или плешивого) отца. В этом контексте становится понятным сопоставление знаний (гения) с родами, рождением (лат. *in-genitum*).

Именование лысым черта, обусловившее возникновение целого ряда фразеосочетаний *лыс бес*, *черт лысый*, *корми дьявола лысого*, бел. *чорту лысаму* 'невядома каму', *трапіў лысы на пляшывага* (в сопоставлении с *трапіў чорт на паганага*), укр. *лисий лисого здалека бачить*, опирается на универсальный критерий иномирия – любое отступление от телесной нормы, в данном случае, отсутствие волос. Концепт *лысый*, будучи ядром подобных фразеологических оборотов, выступает и самостоятельно, для экспрессивно-метафорического обозначения лица, демонического персонажа – *Лыско*, *лысый* 'черт', бел. *Хоць за Лыску, абы блізка*. По свидетельству Н.И. Толстого, "более ранний облик... черта с вытянутой шишкой головой (часто лысый), или с торчащими шишкой длинными волосами" (4). Характерно и в социуме нарушение общепринятых правил сближает человека с представителями нечистой силы, чародеями – см. в белорусской песне: "А на Яна баба п'яна, // На Бориса баба лыса, // А на Юрья баба дурна", укр. *на ледачій землі трава не росте* 'о лысом' *як уплодиця лисим, то й пропаде з бісом*.

Требует широкого культурологического фона и истолкование известных полетов ведьм на т. наз. *Лысую гору* (см. *ну его на Лысую гору, к ведьмам*, укр. *дідько бы на ній на Лису гору іздив*, пол. *Tak ciemna nos, ze szarownice na Łysa Gore nie trafia*; кашуб. *Jezzec na lesa gora* 'колдовать').

Исходное значение слова *лысый* в словосочетании *Лысая гора* может быть истолковано как 'лишенный растительности' (ср. *лысина*, *плешь* 'голое, сечаное место'), так и 'ясный, светлый' связанный с сакральными языческими "мероприятиями". *Гора*, маркируя собой сакральный центр мироздания, относится в мифопоэтическом сознании с *Голгофой* 'лобным местом, под которой якобы находится череп Адама'. Очевидно сопоставление "лысины" горы и "лысины" черепа.

Фрагмент картины мира, отображенный в лексемах и фразеологизмах с торным компонентом *лысый*, организован как своеобразное тематически-концептуальное пространство, символической доминантой которого является понятие 'светлый, выделенный, особый'. Внутренняя форма собственно лексемы *лыс* представляет в свернутом виде семантическое пространство текста даже мифа. Вариативность и некоторая противоречивость коннотаций отражают бытование лексемы и концепта в разных хронологических и идеологических срезах.

ЛИТЕРАТУРА

- Новикова М.А. Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства. (На материале "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя и их английских переводов). – Запорожье, 1996. – С.28.
- Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. – М., 1989. – Т. 2. – С. 1. – С.63.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С.253.
- Толстой Н.И. Каков облик дьявольский // Толстой Н.И. Язык и народная культура. – М., 1995. – С.201.

И.В. Гнаповская (Киев)

ФРЕЙМ КАК СТРУКТУРА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (на материале английских личных имен)

Современная когнитивная парадигма изучения языка, в которой, по словам Ю.И. Сватко, "язык Бытия уступает место языку Информации", ориентирована на решение той глобальной и сложной задачи, которая была сформулирована еще В.Гумбольдтом и которая заключается в том, чтобы исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме – не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но в его отношении к деятельности мышления и чувственного

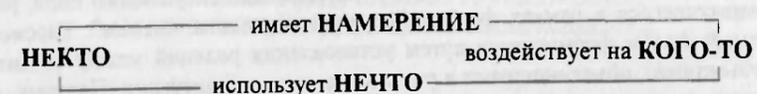
восприятия. Ориентация семантических изысканий на поиски заключенного в языковой единице глубинного смысла позволяет проникнуть в структуру концепта, наличие которого лежит в основе и объясняет название вещей и объектов закрепленными за ними в лексической системе языка именами, описать "идею, а не просто чувственный образ объекта" (А.Вежбицка).

Рассмотрение процесса создания личных имен как своего рода разновидность кодирования исторической и социокультурной информации, как один из "способов сохранения традиции во времени" (В.Н.Топоров) позволяет определить личное имя как элемент социокода определенного социума, как "социальный ген", выступающий посредником при передаче общественного опыта деятельности (в т.ч. общения), как своеобразную точку преломления когнитивных потенций определенного этноса как коллективной личности и языковых форм и средств актуализации этих потенций. В чисто лингвистическом плане это означает, что за внутренней формой личного имени стоит некая когнитивная структура, определенным образом устроенная и предназначенная для хранения и передачи суммы общественно накопленных знаний – иными словами, стоит текст, хотя и сильно эллиптизированный. Задача исследователя этого текста состоит в том, чтобы декодировать заключенный в нем смысл, определить, что представляют собой "пакеты информации", с которыми соотносимы личные имена как языковые единицы, а также смоделировать ментальные процессы, сопутствующие наречению ребенка именем. В докладе делается попытка решить поставленные проблемы.

Современные семантические исследования исходят из того, что центрами концентрированного представления знаний о том, как связаны между собой различные предметы и явления, каким образом они используются и как они друг с другом взаимодействуют, являются *фреймы*. *Фрейм*, таким образом, представляет собой наиболее значимый тип структуры представления знаний в семантике естественного языка на том основании, что в нем отражены приобретенные в результате предыдущего опыта знания о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, который описывает эту ситуацию (М.Минский). *Фрейм* является универсальной категорией, объединяющей разнообразные знания человека и его опыт, и в наиболее общем виде Ч.Филлмор определяет его как "набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого" (Ч.Филлмор). Иными словами, *фрейм* – это система концептов, соотносимых таким образом, что для того, чтобы понять любой из этих концептов, надо понять всю структуру, в которую входит тот или иной концепт (Л.Б.Овакимян).

С учетом данного определения можно предложить, что совокупность личных имен, традиционно именуемая *антропонимической системой* народа, – это своего рода единый *фрейм* интерпретации действительности, т.е. концептуальный континуум семантического бытия реального мира предметов и явлений, разворачивающийся в конкретных пространственно-временных и социальных рамках и отражающий состояние развития опреде-

енного социума и его языковых и культурных контактов, мир его аксиологических ценностей на данном этапе развития. При этом концептуальную схему, положенную в основу данного фрейма, можно представить следующим образом:

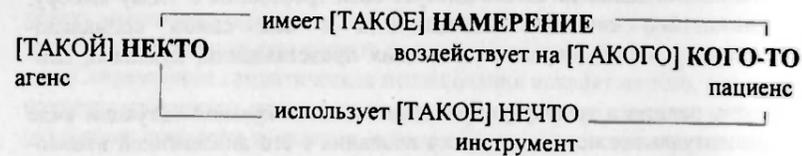


Как видим, прототипическая ситуация "наречения ребенка именем" состоит в том, что некое лицо (**НЕКТО**) – имядатель, желая идентифицировать новорожденного (**КОГО-ТО**) как уникального в своем роде индивидуальность (процесс индивидуализации) и одновременно посвятить его в члены общества (процесс введения в ряд подобных), т.е., преследуя определенное **НАМЕРЕНИЕ**, нарекает ребенка именем (**НЕЧТО**), которое в данном случае становится *инструментом* выполнения действия. При этом важным, на наш взгляд, является тот факт, что образ имядателя следует рассматривать в двух плоскостях. С одной стороны, это конкретный человек (люди) – родители новорожденного, и акт наречения ребенка именем – это манифестация их воли и желаний. Однако, с другой стороны, каким бы индивидуальным выбором имени ни казался на первый взгляд, он социально обусловлен, поскольку общество как коллективная личность диктует свои требования к этому выбору, обуславливает его системой сложившихся в нем самом социально-экономических условий, морально-этических представлений, духовных ценностей.

По сути, налицо в трансформированном для конкретной ситуации виде общая концептуальная модель процесса познания с его диалектикой взаимодействия субъекта и объекта познания: субъект познания (**НЕКТО**) направляет свою когнитивную (познавательную) деятельность на объект познания (**КОГО-ТО**). Процесс этот опосредован наличием третьего – (**НЕЧТО**), в роли которого выступает Имя как инструмент и одновременно результат познания. Познавательный акт при этом рассматривается как интенциональный акт – процесс, обусловленный намерением субъекта, преследующего определенную цель.

В лингвистическом плане, с учетом рассмотрения личного имени как свернутого национально-культурного текста, за внутренней формой которого стоит в закодированном виде сложное взаимодействие личности автора (продюцента) текста – имядателя и личности получателя (реципиента) имени – ребенка, в ситуации наречения ребенка именем проявляется как фактор адресанта (его принадлежность к определенному социальному слою, общий уровень культурного развития и т.п.), так и фактор адресата – того, для кого это имя предназначено. Таким образом, антропоним как текст, который, в свою очередь, можно рассматривать в двух плоскостях – как феномен действительности (культуры) и как способ ее отражения (Л.Б.Овакимян), обладает онтологическим статусом, связывая два крайних полюса коммуникативного

(шире – познавательного) акта – автора и реципиента. При этом автор имени-текста (НЕКТО), получатель имени-текста (КТО-ТО) и ИМЯ-текст как своеобразный мостик, связующее звено между ними наделены определенными ролями – иными словами, являются актантами концептуального поля, разворачивающегося в рамках фрейма “наречения ребенка именем”. Рассматриваемый фрейм формируется путем установления реляций между актантами (субъектами), объединенными в рамках стандартной ситуации. Поэтому, обозначив последних в терминах теории глубинных семантических падежей Ч.Филлмора, можно предположить, что имядатель (автор имени-текста) – это АГЕНС, который посредством имени как ИНСТРУМЕНТА выполняет действие над ПАЦИЕНСОМ, в роли которого выступает ребенок, нарекаемый этим именем. При этом выбор имени как инструмента выполнения имени действия над КЕМ-ТО подчинен определенному намерению (цели) автора имени-текста. Информация, с помощью которой исследователь-интерпретатор имени-текста декодирует заключенный в данном имени смысл, сконцентрирована в “узлах” данного фрейма – концептуальных слотах [ТАКОЙ], в рамках которых становится эксплицитной атрибутивная (в широком смысле) зона каждого из актантов. Поэтому в расширенном виде приведенная выше концептуальная схема может быть представлена следующим образом:



Слоты [ТАКОЙ] содержат информацию, “снятую” с разных концептуальных плоскостей – онтологической (знание о мире – как материальном, так и духовном), аксиологической и модальной (оценка мира субъектом и модус его сознания), лингво-прагматической (знание канонов языковой коммуникации) (С.А.Жаботинская). При этом объем, равно как и содержание наполняемости данных концептуальных слотов, обнаруживает определенную зависимость от статуса, который личное имя как лингво-социальный знак имеет в рамках той или иной культурной традиции.

В докладе рассматриваются модификации предложенного для прототипической ситуации “наречение ребенка именем” фрейма в зависимости от типа сознания (мифопоэтического и современного абстрактно-логического), доминирующего на различных этапах развития английской антропонимической системы.

Гнаповская, Л.В. Фрейм как структура представления знаний в антропонимической системе (на материале английских личных имен) [Текст] / Л.В. Гнаповская // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: тезисы докладов Международной научной конференции. – Минск: МГЛУ, 1998. – С. 201-204.

В.Б.Гольдберг (Тамбов)

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ, ОРГАНИЗУЮЩИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКУЮ ГРУППИРОВКУ, В СТАТИЧЕСКОЙ И ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛЯХ

Анализ устройства иерархических лексико-семантических группировок позволил построить типологию семантических связей, объединяющих элементы группировки, и представить статистическую модель микрогруппы. Отсутствие биологического существования вследствие воздействия извне”.

Семантические связи выявляются по двум параметрам: по номенклатуре сем в семемах элементов и по содержанию сем. По номенклатуре сем элементы выявляют вертикальную гиперо-гипонимическую связь и горизонтальную согипонимическую связь.

В зависимости от содержания сем гиперо-гипонимическая и согипонимическая связи принимают различные значимости. Значимости гиперо-гипонимической связи образуют многоступенчатую иерархию. На первой ступени выявлены две значимости, которые мы обозначаем термином *значимостная связь*: родо-видовая и обобщающе-уточнительная значимостные связи. На подчиненных ступенях находятся значимости, которые мы обозначаем терминами *разновидность*, *субразновидность*, *модификация*, *субмодификация*, *спецификация*. В основе значимой гиперо-гипонимической связи лежат компоненты семемы: аспекты – темпоральный, утилитарный, локальный; семантические признаки, семные конкретизаторы. Вертикальные связи, представляющие одну значимость, объединяются в блоки.

В процессе порождения и восприятия речи данная статическая модель становится динамической. Семема элемента на входе в систему получает состояние активации и по структурным связям передает активацию к единицам, с которыми элемент связан в системе языка. Активация распространяется как по вертикальным, так и по горизонтальным связям.

При наличии на входе в систему идентификатора группировки, например, при восприятии идентификатора, активация распространяется по связям, ведущим к блокам, однако с разной силой. Сила вертикальной связи зависит от блока. Например, в микрогруппе активация будет скорее всего распространяться от идентификатора “быть убитым” к элементам, указывающим на применение оружия: “быть застреленным”, “быть зарезанным”, “быть заколотым”, “быть зарубленным”. Связь с этими элементами представляется более ярким представителем родо-видовой связи в микрогруппе, чем связь с элементами “быть затоптанным”, “быть задавленным”. Связи, объединенные в блоке “оружие”, получают наибольший вес в динамической модели микрогруппы. Эти связи, на наш взгляд, можно характеризовать как прототипические.